

Глава II

Апостольские мужи

Общепринято, что «во главе церковных историков стоит знаменитый Евсевий Кесарийский»¹. Известная сегодня история Ранней церкви во многом является лишь повторением написанного Евсевием. С него, собственно, и начинается церковная историография. Но объективность Евсевия многими учеными ставилась под сомнение. А.Г.Дунаев в предисловии к публикации текста св. Иустина соглашается с мнением А.Гарнака, что «Евсевий об обстоятельствах мученической кончины Иустина ничего не знал и хотел скрыть свое незнание под покровом искусственных соображений»². И далее: «Принимая дошедшее до него от церковных писателей (Ириней, Тертуллиан) известие, что Иустин скончался мученически, он заключил, что, наверное, циник Кресцент был виновником смерти Иустина. Требовались исторические доказательства, но доказательств у него (Евсевия) не было... (Поэтому) именно в несколько искаженном (умышленно. — А.Д.) виде он приводит свидетельство Татиана, ученика Иустинова...»³.

Другой издатель раннехристианских текстов, А.В.Вдовиченко, об одном из сочинений Евсевия (об Аполлонии Тианском⁴) пишет, что его «способ ведения спора по отношению к оппонентам не вполне корректен. Евсевий как будто считает, что чуть ли не все средства хороши для исполнения его полемической задачи. Помимо подбора — с понятной тенденциозностью — событийного материала, Евсевий насыщает свою работу ироническими замечаниями... приводит эпизоды, зачастую лишённые контекстов...; иногда произвольно комментирует текст Филострата и уже стоит на грани, за которой начинается переименование и даже перевертывание препарируемого текста... На фоне других христианских полемических сочинений его работа — в отношении “разборчивости в средствах” — обладает несомненно “ярко выраженной индивидуальностью»⁵.

¹ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.2. М., 2000. С.138.

² Дунаев А.Г. Предисловие // Сочинения древних христианских апологетов / Составление, общая редакция, перевод с древнегреческого, введения, комментарии А.Г.Дунаева. СПб., 1999. С.346.

³ Там же. С.346.

⁴ Евсевий Памфил. Против Похвального слова, написанного Филостратом в честь Аполлония, по поводу сделанного Иероклом сопоставления между Аполлонием и Иисусом Христом // Раннехристианские апологеты II — IV вв. М., 2000.

⁵ Вдовиченко А.В. Евсевий Кесарийский против Иерокла // Раннехристианские апологеты II-IV вв.: Переводы и исследования. М., 2000. С.154.

Евсевию как историку В.В.Болотов, по сути, вынес негативный вердикт. Так, он писал: «Евсевий не принадлежал к числу великих исторических гениев... Это был... мыслитель заурядный... Указывают на то, что Евсевий умалчивает, например, о казнях, которые производил Константин над членами своей фамилии, ничего не сообщает о несчастной судьбе Криспа¹, старшего сына Константина»; «Его (Евсевия) история в некоторых отношениях не удовлетворяет не только требованиям, предъявляемым настоящим историкам, но даже и тем, которые предъявлялись его современникам»; «по своему содержанию история Евсевия богословская... Евсевий не относится к таким историкам, которые вполне объективны»; «В последних книгах истории особенно проявляется многословие Евсевия, которое составляет его недостаток... Вообще слог его сочинений весьма темен и запутан»².

Правильнее было бы назвать Евсевия прежде всего *апологетом церкви*, а потом уже *историком*. В нашей книге «Кумран и Христос» о Евсевии мы писали:

“Евсевий Кесарийский (Памфил) (ок. 260 — ок. 340), отец церковной истории. Родился в Палестине, учился в Кесарии. Его учитель, пресвитер Памфил, передал ему свое преклонение перед Оригеном. Участвуя в управлении кесарийским училищем, Евсевий во время гонения Диоклетиана сохранил наличность кесарийской библиотеки и обогатил ее новыми коллекциями рукописей, приобретенных во время вынужденного удаления из Кесарии и путешествий по Сирии, Египту и Фиваиде. Около 313 Евсевий был избран епископом Кесарийским. Со времени водворения в 323 Константина Великого на Востоке Евсевий оказыва-

¹ Историк Зосим сообщает, что «когда он (Константин) прибыл в Рим (в 326 г., причем за год перед этим, в 325 г., на Первом Вселенском Соборе *при определяющем* участии Константина принимались вероучительные основы христианства. — А.В.)... он умертвил своего сына Криспа Цезаря, заподозрив его в близких сношениях с Фаустой, мачехой (второй женой Константина). Когда же Елена, мать Константина, пораженная таким несчастьем, впала в безутешную скорбь по убитому юноше, Константин... приказав натопить чрезмерно баню, посадил туда Фаусту и вынес её оттуда мертвой». Данный факт ни в коей мере не порочит христианство как веру, но только демонстрирует, каким образом поколениями церковных историков создавался миф о непогрешимости и святости отдельных отцов и организаторов *исторической* церкви. — А.В.

² Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.2. М., 2000. С.139-140; 151; 152; 153. При цитировании мы изъяли традиционные для церковного историка комплименты в адрес отца церковной истории.

ет сильное влияние на императора и сохраняет это влияние до смерти. Этому способствовало его умение хвалить покровителей и замалчивать их ложные шаги, готовность вовремя произвести нажим и на свои взгляды, и на чужие документы. Евсевий является историографом эпохи Константина Великого; но именно благодаря его искусству располагать свет и тени мы до сих пор не знаем много важного о жизни императора и о процессе превращения христианства из религии гонимой в государственную. О том и другом вместо портрета он оставил нам икону. Когда начались арианские волнения, Евсевий не сумел или не захотел занять определенной догматической позиции. Как почитателя Оригена его, естественно, клонило в сторону субординационизма и арианства; но когда на соборе 325 дело дошло до голосования формулы императора: $\alpha\mu\omicron\upsilon\upsilon\sigma\iota\omicron\varsigma$ (единосущный), он не устоял перед искушением угодить венценосному Епископу (Константину). После собора, с возникновением антиникейской реакции, Евсевий становится видным ее деятелем. В 330 он присутствует на соборе, осудившем Евстафия Антиохийского, в 335 г. — на соборе Тирском, осудившем Афанасия Великого (один из почитаемых столпов христианства). Но в представлении о Евсевии все заслоняется его заслугами как церковного писателя. Так как большая часть документов и сочинений, которыми он пользовался, теперь исчезла, то без Евсевия о первых трех веках христианства мы знали бы очень мало. Его «Жизнь Константина» служит предметом горячих споров. Многие исследователи обвиняют его в фальсификации документов. Авторитетный современный богослов и историк церкви протопресв. Иоанн Мейендорф характеризует Евсевия как «придворного епископа» при императоре Константине¹. Еще в большей мере, чем «Жизнь Константина», вызывает сомнения в правдивости его «Церковная история»².

Интересно отметить, что церковь, вероятно, не особо нуждалась в исторических изысканиях, поскольку, как отмечает В.В.Болотов, продолжателями дела Евсевия на поприще историографии стали лица, жившие сто лет спустя после Евсевия³, т.е. уже в V в. Но даже и их труды оказались мало чтимы, и многие не со-

¹ Мейендорф И. Единство империи и разделение христиан // Сб.: Мейендорф И. История церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000. С.35.

² Владимирова А. Кумран и Христос. М., 2002. С.126-127.

³ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.2. М., 2000. С.158.

хранились¹. Характерной чертой всех названных последующих церковных историков является то, что в большинстве своем они исследовали христианство лишь со времен Константина (IV в. и далее). Если же они касались Иисуса Христа и апостолов, то не с точки зрения исторического исследования, а лишь богословски, т.е. для утверждения специфической устоявшейся догмы.

Иными словами, богословская *история Ранней церкви* отличается заметной особенностью. Любое историческое сообщение здесь о событиях, затрагивающих Иисуса и апостолов, является выражением принятой религиозной догмы. При таком подходе весьма трудно установить, что же в такой истории первоначально — фактическое событие, освященное затем догматом, или, наоборот, догмат, породивший событие? Наше исследование истории апостолов и Ранней церкви подвигает признать последнее — доминирование догмата в ущерб фактам.

Немецкий философ, просветитель, естествоиспытатель и протестантский пастор Иоганн Готфрид Гердер в XVIII в. справедливо писал об эволюции церковно-христианских представлений, о феномене постепенного превращения вымысла в «историю»:

«Священные книги христианства, сложившиеся отчасти из сохранившихся, написанных по частным поводам посланий, отчасти из устных рассказов, со временем стали мерою (канонем) веры, а потом и знаменем всех воюющих сторон, и были использованы во зло всеми, какими только возможно было, способами. Или любая сторона доказывала на основании их всё, что было ей угодно, или же не останавливались даже и перед искажением текстов, нагло и бесстыдно приписывая апостолам всякие лжеевангелия, послания и откровения. *Благочестивый обман* в делах такого рода хуже всякого клятвопреступления, потому что обмануты бывают целые необозримые поколения, бескрайние времена, но вскоре обман перестали и за грех считать, а видели в нем скорее заслугу — к «вящей славе Господней» и во спасение душ. Вот откуда пошло множество подложных сочинений апостолов и отцов церкви, вот откуда бесчисленные чудеса, мученики, дарственные грамоты, установления и указы, недостоверные, непроверенные, которые словно тать в ночи

¹ Первым написавшим исторический труд о церкви после Евсевия был арианский историк Филосторгий (ок. 425 г.). Выполненные им 12 книг ввиду принадлежности автора к арианству попали в ряд еретических и не сохранились. Следующий за ним был пресвитер иерусалимский Исихия, труды которого также не сохранились. Ближайшим к ним по времени историком, труды которого дошли до нас, был Сократ Схоластик, написавший «Церковную историю» в 7 книгах, которые обнимали период с 305 по 439 гг. (см.: Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.2. М., 2000, с.158-159).

крадутся через все века древней и средней истории... Как только был усвоен негодный принцип, — ради пользы церкви, оказывается, можно совершать подлог, выдумывать ложь, сочинять и фантазировать, — так вере, вере исторически правдивой, был нанесен ущерб; потерялось правило, которым прежде руководствовались человеческие языки и перья и которым направлялась память и воображение людей, — теперь, вместо греческой и пунической верности, можно было, с еще большим правом, говорить о *христианской легковёрности*. Тем неприятнее бросается все это в глаза, что эпоха христианства прямо примыкает к эпохе наилучших историков Греции и Рима, — теперь, в христианскую эру, на долгие века и совершенно неожиданно, почти полностью утрачивается подлинная история. История опускается, превращается в хронику епископов, церквей, монахов, — ведь и писали уже не для самых достойных людей, не для мира и государства, а для церкви или даже для ордена, для монастыря, для своих единомышленников; привыкнув к проповеди, к тому, что народ во всем верит епископу, что бы тот ни говорил, и писать стали так, что весь мир принимали за один народ верующих, за христианскую паству”¹.

Далее мы беремся доказать, что мостом, связывающим евангельские события и реальную историю церкви, выступает единственный автор — Ириней Лионский, он же одновременно — создатель догматического христианства. Будет интересно познакомиться с его схемой рождения христианства, изложенной буквально в нескольких сжатых параграфах. Из нее отчетливо видна канва мифа, искусственное возведение столпов. От себя мы добавили подзаголовки (выделены курсивом), а также включили добавления Тертуллиана².

Ириней Лионский. Против ересей. (Фрагменты из Книги III.)³

*Истоками христианской Веры являются:
устное Предание и Писание апостолов, получивших
совершенное знание от Св. Духа.*

I.1. Об устройении нашего спасения мы узнали не чрез кого другого, а чрез тех, чрез которых дошло к нам Евангелие, которое они тогда проповедовали (устно), потом же, по воле Божией, пре-

¹ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С.484.

² Более полную версию см. в Приложении 4.

³ Отдельные слова в трактате, выделенные курсивом, являются нашим уточнением перевода или смысловой коррекцией ошибок древнего переписчика. — А.В.

дали нам в Писаниях, как будущее основание и столп нашей Веры... После того как Господь наш воскрес из мертвых, и они облечены были свыше силою нисходящего Св. Духа, исполнились всеми (дарами Его) и получили совершенное знание, — они вышли в концы земли, благовествуя о благах, (дарованных) нам от Бога, и возвещая небесный мир людям, которые и все вместе и каждый по-рознь имеют Евангелие Божие...¹

*У еретиков нет истины и приоритета
в знании перед церквами, основанными апостолами*

III.1. Все, желающие видеть истину, могут во всякой церкви узнать предание апостолов, открытое во всем мире; и мы можем перечислить епископов, поставленных апостолами в церквах, и преемников их до нас, которые ничего не учили и не знали такого, что эти (гностики) бредят. Ибо если бы апостолы знали сокровенные таинства, которые они сообщали совершенным отдельно и тайно от прочих, то предали бы их в особенности тем, кому поручали самые церкви...

*Римская церковь является главным держателем
христианской истины и апостольской преемственности*

III.2. Но поелику было бы весьма длинно в такой книге, как эта, перечислять преемства (предстоятелей) всех церквей, то я приведу предание, которое имеет от апостолов величайшая, древнейшая и всем известная церковь, основанная и устроенная в Риме двумя славнейшими апостолами Петром и Павлом, и возвещенную людям веру, которая чрез преемства [римских] епископов дошла до нас, и посрамлю всех тех, кто всячески незаконным образом составляет *церкви* или по худому самоугождению, или по тщеславию, или по слепоте и превратным мнениям. Ибо, по необходимости, с этою [Римскою] церковью, по ее преимущественной важности (греч. «естественной необходимости»), согласуется всякая церковь, т.е. повсюду [в христианском мире согласуются с ней] верующие,

¹ Тертуллиан целиком воспроизводит установленную Иринеем формулу: «...Он (Христос) приказал идти и учить народы, крестя их в Отца, и Сына и Духа Святого. Тут же апостолы (по нисхождении на них Святого Духа. — А.В.)... обрели обещанную им силу Духа Святого для чудодействия и проповеди; прежде всего они свидетельствовали веру и основали церкви в Иудее, а затем отправились по миру, возвещая то же учение той же веры народам; равным образом они в каждом городе учреждали церкви, от которых получили отросток веры и семена учения прочие церкви, да и постоянно получают новые церкви: посему они и сами причисляются к апостольским как побеги апостольских церквей...» (Тертуллиан. Против еретиков, 20).

так как в ней апостольское предание всегда сохранялось [прочими] верующими повсюду.

III.3. Блаженные апостолы (Петр и Павел), основав и устроив [Римскую] церковь, вручили служение епископства Лину. Об этом Лине Павел упоминает в посланиях к Тимофею. Ему преемствует Анаклит; после него на третьем месте от апостолов получает епископство Климент [Римский], видевший блаженных апостолов и общавшийся с ними, еще имевший проповедь апостолов в ушах своих и предание их пред глазами своими; впрочем, он не один, но многие еще оставались тогда [в Риме], которые получили наставление от апостолов. При этом Клименте, когда произошло немалое разномыслие между братьями в Коринфе, церковь Римская написала к коринфянам *весьма дельное послание, увещывая* их к миру и восстанавливая их веру, и возвещая недавно принятое [здесь в Риме] от апостолов предание... В таком порядке и в таком преемстве церковное предание от апостолов и проповедь истины дошли [через римских епископов] до нас. И это служит самым полным доказательством, что одна и та же животворная Вера сохранялась в [Римской] церкви от апостолов донныне и передана в истинном виде.

*Тертуллиан об апостольском учреждении
как главном критерии истинности Веры*

“Отсюда мы выводим [первое] возражение [еретикам]: если Господь Иисус Христос послал апостолов проповедовать, нельзя признавать других проповедников, кроме назначенных Христом... Сын, как представляется, не открыл никому, кроме апостолов, и послал их на проповедь того именно, что Он им открыл. А то, что они проповедовали (именно то, что открыл им Христос), нужно (возражу и здесь) доказывать не иначе, как через те же церкви, которые сами апостолы основали, когда проповедовали, как говорится, и живым словом и впоследствии через послания. Если это так, тогда ясно, что всякое учение, единодушное с этими апостольскими церквами, прародительницами и основательницами веры, нужно считать истинным; в нем, без сомнения, содержится то, что церкви получили от апостолов, апостолы — от Христа, а Христос — от Бога. Все же прочие учения нужно считать ложью, ибо они противны истине церковной, апостольской, Христовой и Божией. Стало быть, нам остается доказать, что это наше учение (Правило его мы привели выше) следует причислить к преданию апостольскому, а все прочие тем самым коренятся во лжи. Мы имеем общение с церквами апостольскими, ибо у нас нет различия в учении: таково свидетельство истины” (Тертуллиан. Против еретиков, 21).

“Впрочем, если какие-нибудь [ереси] осмелятся отнестись к себе ко времени апостольскому, дабы выдать себя тем самым за апостольское предание (поскольку они существовали при апостолах), то мы можем ответить: но тогда пусть покажут основания своих церквей, раскроют череду своих епископов, идущую от начала через преемство, и так, чтобы первый имел наставником и предшественником своим кого-либо из апостолов либо мужей апостольских (но такого, который пребывал с апостолами постоянно). Ибо апостольские церкви таким именно образом доказывают свое положение. Например, церковь Смирнская называет своим епископом Поликарпа, поставленного Иоанном, а Римская — называет таковым Климента, назначенного Петром” (Тертуллиан. Против еретиков, 32).

*Иринея о доказательстве одинаковости
Веры и Предания во всех апостольских церквях*

III.4. И Поликарп, который не только был наставлен апостолами и обращался со многими из видевших нашего Господа, но и апостолами был поставлен в епископа Смирнской церкви в Азии... — он всегда учил тому, что узнал от апостолов, что передает и Церковь, и что одно только истинно. Об этом свидетельствуют все церкви азиатские¹, равно как и те, которые были преемниками Поликарпу до настоящего времени, — такой человек (Поликарп) гораздо более достовернейший и надежнейший свидетель истины, чем Валентин, Маркион и прочие еретики. Он, прибыв в Рим при Аниките, многих обратил от вышепоименованных еретиков к церкви Божией...

Перед нами по сути всё, что известно о «церковной преемственности». Схема эта необычайно проста: Иисус Христос передал веру апостолам и прежде всего любимому ученику, возлежавшему на его груди, — как считается, ап. Иоанну; Иоанн — Поликарпу Смирнскому; Поликарп Смирнский — Иринею Лионскому. Ап. Петр и ап. Павел передали епископам Римской церкви. А епископы Римской церкви и Иринея Лионский поведали прочему христианскому миру, кто овцы, а кто волки, какова истинная вера, а какова ересь, где подлинные тексты Писания, а где поддельные. Прочие церковные авторы, писавшие после Иринея Лионского, опирались лишь на вышесказанное, домысливая, присоединяя или дописывая недостающие детали.

¹ Иринея не приводит никаких доказательств. — А.В.

Вот цепочка авторов, создателей данной истории церкви:

<i>Иринея Лионский</i> ¹	ок. 130 — 200
<i>Тертуллиан</i> ²	ок. 160 — после 220
<i>Евсевий Кесарийский (Памфил)</i>	ок. 260 — ок. 340
<i>Иероним</i> ³	347 — 419

Главным информатором среди них, как мы видим, является Иринея Лионский. Прочие создавали, что называется, *вариации* на уже заданную им тему. В.В.Болотов пишет: «Борьба с еретиками, особенно гностиками, могла с успехом разрешиться лишь на почве предания, сохраняемого в церкви от времен апостольских. Идеальное (т.е. мыслимое как идеал. — А.В.) единство церкви следовало перевести в реальное, указать конкретных носителей этого апостольского преемства. Послания Игнатия, сочинения Иринея и Тертуллиана дают такую постановку этому вопросу»⁴. Но, заметим мы, знакомство с текстами Игнатия, Иринея и Тертуллиана, положенными за основание «церковного предания», обнаруживает, что Иринея оказывается единственным источником «связи времен», тогда как историконесущие имена в посланиях-письмах апостольских мужей: *Игнатия, Поликарпа и Климента Римского*, весьма смахивают на позднюю приписку. Т.е. в любом отношении «апостольское предание», связываемое с названными лицами, оказывается весьма проблематичным. О чем можно твердо судить, так только о *личном мнении Иринея Лионского*, не подтвержденном ни одним автором-современником.

¹ Исторические памятники не дают определенных указаний ни о месте, ни о времени рождения епископа Лионского. Более вероятно мнение, что он родился во второй четверти II века, около 130 г. (Тильмон относит время его рождения к 120 году; Массюет, которому следуют Мелер, Бевнгер и Штирен, — к 140 году. Гарвей назначает 130 год).

² *Тертуллиан* (160 — 220) был пресвитером церкви в Карфагене.

³ *Иероним* (Hieronymus) Евсевий Софроний, прозванный Блаженным (347 — 419), — отец церкви, переводчик Библии на латинский язык (Vulgata). Он родился в Далмации, изучал в Риме риторику и философию. Около 374 года отправился на Восток, где в Сирии и Палестине изучал богословие и еврейский язык. В 382 — 385 годах Иероним пребывал в Риме, где по поручению Дамаса начал исправление имеющих тогда латинских переводов новозаветных произведений. В 385 году Иероним возвратился в Палестину и в 389 году основал монастырь в Вифлееме. К XIII веку сложилась легенда, согласно которой Дамас сделал Иеронима кардиналом. Первоначально поклонник Оригена, Иероним впоследствии выступил злостным его ниспровергателем и клеветником.

⁴ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.484.

Даже если поверить всему сказанному Иринеем (см. выше фрагменты из его сочинения), то можно удивиться столь хлипкому мосту, соединяющему учение Христа с догматами победившей константиновой церкви. В сообщенное Иринеем предлагается поверить, потому как он себя назвал *учеником ученика апостола*. Но даже если бы это было правдой, то само по себе ученичество еще не гарантирует ни истинности, ни дальнозоркости ученика. Отпавших из своих рядов христианство знает тысячи. Иуда был учеником самого Иисуса Христа, тем не менее он — предал. Даже эбионитов, среди которых, как считается, проживали родственники и ученики Иисуса Христа, церковь объявила еретиками. Но если допустить, что во всей Церкви в течение первых полутора веков была одна и та же *вера*, то не слишком ли мало свидетелей всему этому: Иринея, Поликарп и Климент, причем существование двух последних в приписанном им амплуа еще требует доказательства.

Какие же доказательства исторического характера приводятся Иринеем в подтверждение его тезисов? С учетом важности вопроса можно сказать, что никаких доказательств Иринея не представил. Ведь прошло вроде бы не так много времени, всего сто лет, после описанной «Деяниями» жизни апостолов, но ни Иринея, ни дословно копирующий его Тертуллиан, ни иные современные им авторы не знают об иных живых свидетелях апостольского времени, кроме Поликарпа, Климента и отрицаемого Евсевием Папия. Весь круг околоапостольских персонажей ограничивается тремя-четырьмя тематически слабосвязанными упоминаниями в письмах, будто бы написанных тем же самым кругом из трех лиц, словно кроме них во всем древнем христианстве, на территории всей Римской империи никого более не существовало. Любого исследователя такое положение вещей вынуждает усомниться в достоверности описанных образов, почувствовать в таком описании не более чем апологетику.

Сам факт яростного противостояния Иринея гностикам и обвинение их в отсутствии «апостольской преемственности» (и намеки на наличие таковой у него самого), чудовищные искажения им вероучений гностиков, говорят о пристрастности и некритичности Иринея Лионского. Разве можно в таком случае доверять сообщению Иринея о том, что Поликарп, живший еще в середине II в., видел самих апостолов? С прочими персонажами еще хуже — ни Климента, ни Игнатия, ни Папия не видел ни Иринея, ни кто бы то ни было из окружения Иринея. Связь названных «апостольских мужей» с Посланиями «Климента», «Игнатия» и Смирнской церкви не подтверждена пока что ни одним иным, за исключением Иринея,

древним автором. Да и у Иринея не так много исторических связей, поскольку главная систематизация произведена Евсевием спустя полтора века, но Евсевий скорее апологет, нежели историк.

Любопытно отметить, что Тертуллиан предлагает еретикам самим назвать аналогичных свидетелей (учеников апостолов, наследниками которых могли бы себя считать гностики), будучи в полной уверенности, что таковых не найдется. Надо думать, что в конце II в. в христианской среде было хорошо известно, что живых преемников апостолов давно не существует. Отсюда весьма невинное сообщение Иринея о будто бы его собственной «преемственности». Но и здесь Иринея, собственно, на многое и не претендовал, поскольку сам он говорит, что он лишь «видел в (своей) ранней молодости» Поликарпа. Только спустя несколько веков Евсевий, Иероним и пр. из данного заявления сотворили миф об ученичестве Иринея у Поликарпа.

Другими словами, произошло удивительное явление: апостолов, согласно Писанию, было сначала 12, затем 70 (или даже 500), но за один век их вроде бы успешной миссионерской деятельности все живые свидетели и их ученики, видевшие также апостолов, словно испарились. Если память священников, как уверяет церковь, сохранила все особенности культа и ритуала, а также сложные формулы молитв и толкования метафизических истин, доставшихся от апостолов, т.е. память была крепка, то как можно было при этом позабыть имена отцов-основателей, тем более **существовавших совсем недавно**? В этой связи если мы верим в существование апостолов, то есть в тех, благодаря кому распространилось христианство, то возникает закономерный вопрос: *а жили ли христовы апостолы в указанное евангелиями и «Деяниями» время?* Не случилась ли апостольская история намного ранее?

Толанд, рассуждая об одном знаменитом роялистском подлоге XIX в., писал:

“Начав серьезно размышлять о том, как всё это могло произойти в нашем обществе в эпоху высокой учености и образованности, когда обе (враждующие. — *А.В.*) партии так зорко наблюдали за действиями противника, я перестал удивляться тому, что многие произведения, неправильно приписываемые Христу (письмо Авгару и пр. — *А.В.*), апостолам и иным великим людям, появлялись в эпоху первоначального христианства, когда так было важно, чтобы этим произведениям поверили, когда обман был общим явлением, не возбуждавшим ни в ком протеста, когда и взаимное общение людей было не так развито, как теперь, и когда вся земля окутана была мглой суеверия. Наоборот, я начинаю ду-

мать, что и до сих пор не обнаружена еще подложность многих книг вследствие отдаленности эпохи, смерти заинтересованных лиц и гибели памятников, которые могли бы обнаружить истину; необходимо помнить также и то, что слабейшие партии подвергались большей опасности, когда им удавалось раскрыть хотя бы и вполне очевидные козни своих противников, и что господствующая партия неизменно сжигала и иным способом истребляла книги, которые ей не нравились”¹.

“Именно ближайшие столетия до и после Рождества Христова, — вторит Толанду другой немецкий исследователь, Д.Штраус², — представляют собой настоящую эпоху расцвета подлогов, и именно древнейшие христиане, притом не только люди необразованные, но и ученые отцы церкви, отличались наибольшим легковерием в деле признания явно подтасованных писем”³.

Даже Иероним, когда на него самого посыпались от братии обвинения в подделках перевода, в письме от 396 г. не приминул с горечью отметить своеобразную нечистоплотность духовенства его времени: «Что защищают законы общества, что соблюдают враги, что свято среди войн и мечей — то в пренебрежении у монахов и священнослужителей Христовых» (Письмо LVII к Паммахию, 3)⁴.

Чтобы быть вполне уверенным в истинности первоисточника, необходимо условиться относительно того, что следует понимать под «свидетельством», устанавливающим принадлежность данного произведения соответствующему имени, даже если мы и признаем реальность существования как самого искомого труда, так и некоего лица, объявленного его автором. Д.Штраус пишет, что при сомнениях относительно того или иного авторства «мы вспоминаем, что нередко труды выходят в свет под псевдонимом и что анонимные сочинения часто приписываются лицам, которые их не писали... Если после смерти автора выходит книга, помеченная его именем, но не ему принадлежащая, то он уже не может протестовать, а будут ли протестовать другие — это зависит от случайности... Если к нам по традиции дошло какое-нибудь древнее сочинение, помеченное определенным именем, то сущность дела от этого не меняется. Подлин-

¹ Цит. по: Штраус Д. Жизнь Иисуса/ Пер. с нем. // Сб.: Жизнь Иисуса. Харьков, 2000. С.69-70.

² Д.Штраус — профессиональный немецкий теолог. В 1835—1836 гг. опубликовал свой главный труд «Жизнь Иисуса», оказавший заметное влияние на современников.

³ Там же. С.70.

⁴ Иероним. Письмо LVII к Паммахию о наилучшем переводе // В сб.: Патристика. Новые переводы, статьи. Н.-Новгород, 2001. С.101

ность такого сочинения будет удостоверена лишь тогда, когда в (установленных. — *А.В.*) подлинных записках самого автора или его современников (притом таких, которые действительно могли иметь требуемые сведения) прямо заявлено, что книга написана данным лицом... Только в том случае, если близкий автору современник приведет цитату из сочинений другого лица, о котором идет речь... свидетельство приобретает ту степень благонадежности, какая вообще мыслима в подобных обстоятельствах. Нельзя считать надежным свидетельством заявление какого-нибудь современного или позднейшего писателя о том, что данный автор написал книгу под таким-то заглавием и такого-то содержания, если он не приведет цитату, которую можно было бы найти в указанном сочинении. (*Далее Штраус приводит известные примеры подлогов II в. до н.э. — III в. н.э.*)... (Например,) так как в деле измышления сивиллиных прорицаний кроме евреев участвовали также христиане, то в споре с первыми последние скоро увидели себя вынужденными подделать греческий перевод Ветхого Завета (Септуагинту. — *А.В.*), дабы заручиться доказательными цитатами против евреев. Путем всевозможных вставок и приписок им удалось внести Крест Христов в Псалмы, повесть о сошествии Христа в ад — в книгу Иеремии, и когда евреи стали возражать, что в их текстах цитируемых мест не имеется и что христиане, вероятно, сами выдумали их, то отцы церкви с большой наглостью или наивностью стали обвинять евреев в том, что они обманным образом выбросили эти места из своих текстов Библии. Весьма ярким примером легкости, с которой в те времена выдавалось и признавалось за достоверное решительно всё, что только служило целям христианской пропаганды, может служить «Послание Христа к царю Эдесскому Авгару», которое Евсевий извлек будто бы из Эдесского архива... и этот-то Евсевий, отец истории христианской церкви, является одним из главных авторитетов, на показаниях которых утверждается уверенность наша в подлинности евангелий»¹.

Итак, какие же свидетельства имеет церковная история в подтверждение жизни апостолов в общепринятое время — т.е. в I в. н.э.? Исторических лиц, о которых утверждается, что они видели апостолов, кроме названных Поликарпа Смирнского и Климента Римского, просто нет. *Паний Иеропольский*², которого

¹ Штраус Д. Жизнь Иисуса/ Пер. с нем. // Сб.: Жизнь Иисуса. Харьков, 2000. С.66-72.

² *Паний* — некий Аристон, пришедший из Иерусалима в Малую Азию в начале II в. и прозванный *Панием из Иерополя*, «учеником Господа».

Ириней называет «учеником Иоанна Богослова» (Ириней. Против ересей, V.33.4), у Евсевия представлен только как *знакомый* с теми, кто *видел* апостолов (ЦИ.III.39)¹. Комментаторы сей феномен столь значимого расхождения у отцов церкви объясняют различным отношением Ириней и Евсевия к хилизму²: Папий, по Ириней, был сторонником хилизма и показан как слушатель апостолов (т.е. будто бы наученный этому у апостолов); а Евсевий как оригенист был против доктрины хилизма, поэтому Папий у него непосредственно апостолов не знал. Другими словами, история представляется в свете, выгодном тем или иным направлениям поздней теологии.

Еще раз отметим, что мы вовсе не отвергаем исторического существования тех или иных апостольских мужей. Проблема заключается в другом. Слухи о неких знаменитых среди христиан лицах, подробности их жизни и письма, которые приписали этим лицам, на самом деле могли быть между собою никак не связанными. Допустим, существовали и Поликарп, и Климент, и даже Папий. Но сам Евсевий, в тех случаях, когда ему приходилось объяснять явные исторические неувязки у своих предшественников, объяснял их в одних случаях элементарной схожестью имен, а в других (в случае с письмами) — отсутствием подписей на этих посланиях, из-за чего у апологетов, по мнению Евсевия, возникало желание ради поднятия авторитета писем присудить им общеизвестные имена. В этой связи Ириней, Евсевий, или кто бы то ни был еще, могли вполне, воспользовавшись тем или иным громким именем, присовокупить к нему собственную, как им могло казаться, «правдоподобную историю», сделать его «другом» своей церкви и навязать ему мысли и тексты, которые были, возможно, рождены совсем другими авторами, но были подходящими для пропагандируемой сейчас

¹ Евсевий (ЦИ.III.39) сообщает о Папии следующее: «Папию приписывают пять сочинений под заглавием “Истолкование Господних изречений”. О них как о единственных его произведениях упоминает и Ириней, говоря так: “Папий, слушавший Иоанна, друг Поликарпа, из древних христиан, засвидетельствовал это письменно в четвертой своей книге, ибо им сочинено пять книг”. Так сказано у Ириней. Сам же Папий в предисловии к своему сочинению отнюдь не выдает себя за человека, лично видевшего и слышавшего святых апостолов, а говорит, что «с верой ознакомили его люди, апостолам известные».

² «Хилизм — учение о том, что Господь, пришедши на землю пред кончиною мира, будет, видимо, царствовать здесь тысячу лет. Учение это, основывающееся на ложно толкуемых словах Апокалипсиса (гл. 20), держалось в христианской церкви от II до V века» (Статья «Хилизм». // Дьяченко прот. Г. Полный Церковно-славянский словарь, с.785).

догмы. Оба основания: имя апостольского мужа и текст Послания могли и вправду существовать, однако все остальное — их склейка и сопроводительная история, могли представлять собой полный вымысел. В конце концов Иринея и Евсевия можно понять: если из новозаветного Писания следовало, что апостолы жили в I в. н.э., то должен же был хоть кто-то, знавший апостолов в это время, жить, а тем более, должны же были эти апостолы учредить какие-либо церкви — не сами же церкви возникли. Если было известно, что некий старец, скажем Поликарп, жил в «апостольское время», то почему бы ему было не «встретиться» с апостолами? Поликарп уже давно умер, и кто мог теперь опровергнуть мифическое обучение Поликарпа у апостола Иоанна, измышленное Иринеем, тем более, что *Иоаннов* было, по признанию ряда церковных авторов (того же Евсевия¹), двое — один автор Апокалипсиса, а другой — автор Евангелия от Иоанна? Казалось бы, мелочь, предположение. Но от этой мелочи доктрина, излагаемая Иринеем (являвшимся будто бы учеником этого Поликарпа, т.е. ученика «любимого ученика» самого Господа), превращалась в изложение христианства, как оно будто бы было дано самим Христом! Если этой истории, сочиненной Иринеем и Евсеем, верили выдающиеся богословы и мыслители в течение тысячелетий, то тем более в нее могли поверить легковверные христиане времён Евсевия. Как мы отметили ранее, сам Иринея в своё время особо на этих «свидетельствах» не настаивал: при отсутствии рядом с его легендой каких-либо доказательств ему бы из противоположного лагеря все равно не поверили, а «свои» и так готовы были верить во что угодно. Он сосредоточил главные усилия совсем на другом, не на историческом, а на логическом опровержении еретических доктрин и отстаивании собственной оригинальной версии христианства, о чем мы еще скажем.

¹ Евсевий сообщает: «Следует обратить внимание, что Папий упоминает двух людей с именем Иоанна: одного, упомянутого им раньше вместе с Петром, Иаковом, Матфеем и прочими апостолами, он, несомненно, считает евангелистом Иоанном; другого Иоанна помещает в числе людей, стоявших рядом с апостолами, ставит впереди него Аристиона, прямо называя его пресвитером. Правдивость этого сообщения подтверждается тем, что в Азии называли двух людей с этим именем, а в Эфесе и ныне есть две гробницы, и каждая зовется Иоанновой. На это необходимо обратить внимание: если не считать автором Откровения, известного под именем Иоаннова, первого Иоанна, то, значит, все эти видения были второму» (Евсевий. ЦИ. III.39.5-6.)

Апостольские мужи
(согласно церковной истории ¹)

30–97 гг.	Климент Римский
50–107 гг.	Игнатий (Антиохийский)
69–155 гг.	Поликарп Смирнский
70–140 гг.	Папий (Иеропольский)

В предыдущей главе мы рассматривали текстологию новозаветных произведений и установили существование значительного разнообразия в канонических текстах. Наиболее древние рукописи Евангелия, содержащие объемные фрагменты, датируются не ранее III в., то есть написаны даже после Иринея Лионского. Что же касается прочих христианских рукописей, из которых черпаются сообщения об апостольских мужах, то надо отметить, что они вообще относятся к эпохе победившего христианства и в большинстве случаев датируются VIII – XI вв., т.е. являются весьма поздними копиями исчезнувших оригиналов. Если отвлечься от текстологических трудностей (поздних вставок, склеек произведений совершенно разных авторов, полной переинтерполяции произведений и т.д.), то история апостольских мужей, т.е. лиц, вроде бы *видевших*, или, по крайней мере, *живших* во времена апостолов, в интерпретации, близкой церковной, будет выглядеть следующим образом.

1. Поликарп Смирнский

Иринея сообщает о *Поликарпе*, как об ученике ап. Иоанна. Иринея пишет, что «Поликарп, который не только был наставлен апостолами и обращался со многими из видевших нашего Господа, но и апостолами был поставлен в епископа Смирнской церкви в Азии» (Против ересей, III.3.4.). Евсевий, прочтя это у Иринея, не ссылаясь более ни на кого, приводит в «Истории Церкви» те же самые сведения и называет Поликарпа «собеседником апостолов» (ЦИ. III.36:1). Никаких иных независимых сведений об этом муже, будто бы общавшемся с апостолами, более не существует.

¹ Датировка приблизительная.

Тертуллиан, явно следуя трудам Ириней¹, сообщает о том, что апостол Иоанн сам поставил Поликарпа епископом Смирнской церкви (Тертуллиан. Против еретиков, 32). Другой апологет Римской церкви, Иероним, это подтверждает (Catal. Script. eccles.17). Совершенно очевидно, что взято всё это также у Иринейя.

Ириней заявляет, что Поликарп «писал... то к целым церквам для их укрепления, то к некоторым братьям, преподавая им наставление и увещание». Но из всех названных посланий до нас дошло только одно — *послание к Филиппийцам*, и опять же в изложении Иринейя. Ириней пишет «что из него желающие и пекущиеся о своем спасении могут узнать и характер веры (Поликарпа), и его проповедь истины» (Евсев. ЦИ.IV.14). Евсевий приводит из него несколько отрывков и замечает притом, что это послание еще обращается между христианами (ЦИ.III.36). По словам Иеронима, оно в его время читалось в азийских церквах при богослужении (Catal. script, eccl. c. 17). Но опять же, корень всех этих «свидетельств» один — Ириней².

Кроме послания к Филиппийцам дошли в древнем латинском переводе несколько будто бы «ответов» Поликарпа с пояснениями (толкованиями) изречений Иисуса Христа. Они найдены в собрании толкований отцов, которое было составлено Виктором Капуанским на латинском языке около 480 г. Подлинность их у многих историков вызывает сомнения. Есть упоминание о книге Поликарпа «Учение», но это, вероятно, одно и то же, что и указанные «ответы».

Евсевий приводит текст окружного *Послания Смирнской церкви* к христианам других церквей, из которого мы узнаем, что Поликарп закончил жизнь мучеником (ЦИ.IV.15). Может быть, так оно и было (хотя текст Послания — явная подделка), но только не с человеком, который непосредственно обучался у Иоанна Богослова, а

¹ Сличение некоторых трудов Иринейя и Тертуллиана, например, «Пяти книг против ересей» Иринейя с трактатом Тертуллиана против Валентина, ясно убеждает, что Тертуллиан писал свои сочинения, имея пред глазами латинский перевод творения Иринейя.

² Послание Поликарпа к филиппийцам содержится в *Послании Смирнской церкви к церкви Филомелийской*, которое, в свою очередь, прошло через руки Иринейя. В конце этого послания имеется приписка: «Сие со списка Иринейя, ученика Поликарпа, переписал Гай, знавший Иринейя...». В другой рукописи данного послания («Московской») в конце приписано: «...Еще рассказывается в сочинениях Иринейя, что в тот [самый] день и час, когда Поликарп мученически скончался в Смирне, Ириней, находясь в Риме, услышал глас, исходивший словно из трубы: “Поликарп мученически скончался!” Итак, как уже было сказано, из этих сочинений Иринейя переписал Гай, а с копии Гая — Исократ в Коринфе».

с неким Поликарпом, который в лучшем случае знал ученика во втором или третьем поколении после апостола Иоанна. Так называемая «апостольская» приближенность Поликарпа может оказаться не признаком его непосредственной связи с апостолами, а просто принадлежностью к апостольской школе, к какому-нибудь другому Иоанну. Таким образом, можно вполне обоснованно заявлять, что Евсевий и прочие церковные историки причастность Поликарпа к веку апостолов *приняли на веру от Иринея Лионского*.

Из послания Поликарпа мы узнаем о другой важной связке церковной мифологемы — *Игнатии*. Игнатий, не известный Иринею Лионскому, тем не менее, по утверждениям поздних церковных историков, становится еще одним «свидетелем» (помимо Иринея), будто бы знавшим Поликарпа.

2. Игнатий Антиохийский

Главы из т.н. «послания Поликарпа к Филиппийцам», упоминающие Игнатия

IX. Умоляю всех вас повиноваться слову правды и оказывать всякое терпение, как вы видели это своими очами не только в блаженном *Игнатии*, Зосиме и Руфе, но и в других из нас, и в самом Павле, и прочих апостолах. Будьте уверены, что все они не вотще подвизались, но в вере и правде, и пребывают в подобающем им месте у Господа, с Которым и страдали. Ибо они не нынешний век возлюбили, но Того, Кто за нас умер и для нас был воскрешен Богом.

XIII. Писали мне вы и *Игнатий*, что, если кто *от нас* отправится в Сирию, доставил бы он туда и письма от вас. Это я исполню, когда найду благоприятный случай, — или сам, или чрез того, кого отправлю, чтоб он был послом вместе и с вашей стороны. Послания *Игнатия*, присланные им к нам, и другие, сколько их есть у нас, мы отправили к вам, согласно вашему требованию: они приложены при этом самом послании *нашем*. Вы можете получить из них великую пользу. Ибо они содержат в себе веру, терпение и всякое назидание в Господе нашем. Что вы узнаете верного о самом *Игнатии* и его спутниках, — сообщите нам.

Что же рассказывают об Игнатии церковные историки? Иринея еще ничего об Игнатии не знает¹. Иероним в V в. сообщает,

³ Иринея Лионский не упоминает Игнатия по имени, но, как считается, будто бы цитирует одно место из его послания к Римлянам (Иринея. Против ересей, V.28.4).

что Игнатий был, как и Поликарп, учеником ап. Иоанна Богослова и будто бы после смерти Игнатия Поликарп стал главою христиан всей Азии. Откуда всё это взял Иероним? Никому не известно. Налицо поздний вымысел об авторе так называемых «посланий Игнатия». Любопытно, что некие доброхоты присочинили в одном из «посланий» начало легенды, прозрачно намекающей на Иринея Лионского. В письме, будто бы направленном Игнатием Поликарпу (когда Поликарп, кажется, ничего еще не знает об Игнатии¹), по ходу дела сообщается о некоем посланце, которого рекомендуется направить для проповеди слова Божьего (аллюзия на единственно известного в церкви «посланца» Поликарпа – Иринея Лионского). Другими словами – грубая поздняя подделка, изобилующая поздней богословской терминологией.

Фрагмент из послания Игнатия Поликарпу

VII. Так как мне (Игнатию) стало известным, что Церковь антиохийская в Сирии, по молитвам вашим, наслаждается миром, то и я, в Божьей беспечальности, стал благодушнее, только бы придти мне к Богу чрез страдание, дабы в воскресении явиться мне вашим учеником. Тебе, богоблаженнейший *Поликарп*, надобно созвать боголепнейший совет и избрать кого-нибудь особенно вам любезного и усердного человека, который мог бы назваться Божьим посланцем: ему поручить, чтобы, отправившись в Сирию, он прославил там неослабную любовь вашу к славе Божьей. Христианин не имеет над собою власти; он принадлежит Богу. А это дело Божье и ваше, когда вы исполните его. Ибо я уверен в благодати Божьей, что мы готовы на всякое доброе дело Божье. Посему-то, зная ваше согласие с истиною, я и предложил вам наставление в кратком послании.

Евсевий упоминает семь посланий Игнатия: к Ефесянам, к Магнезийцам, к Траллийцам, к Римлянам, к Филадельфийцам, к Смирнянам и к Поликарпу (ЦИ. III.36.4). Но в рукописном подлиннике это собрание семи посланий до нас не дошло. С другой стороны, достаточно рано в христианском обществе стали распространяться различные коллекции посланий св. Игнатия в большем числе, чем эти семь. Из последующей критической работы над их текстами даже богословы пришли к заключению, что не все выдаваемые за подлинники редакции посланий действительно аутентичны.

¹ Критики отмечают, что у Поликарпа весьма противоречиво говорится об Игнатии (IX.1 и XIII.2). Если в одном случае Поликарп говорит об Игнатии как о мученике, то в другом он просит о нем разъяснений, не зная будто бы о кончине Игнатия (*Делафос*).

Для нас сейчас, собственно, не важно содержание этих посланий, но интересна «связь» между Поликарпом и Игнатием. Можно предположить, что при остром дефиците свидетелей апостольского времени и призрачности образа Поликарпа, при «обнаружении» в III – IV вв. нового героя – Игнатия появилась настоятельная потребность «познакомить» их между собой.

Про Игнатия рассказывается, что он мученически погиб. Вполне возможно, что некий достойный Игнатий действительно пострадал во II веке. Но только письма или фрагменты посланий, написанных будто бы «Игнатием» в нач. II в., никак не могли появиться ранее кон. II, ибо только в конце и даже в начале III в. стала актуальной тема епископства¹. В результате, упоминание Поликарпа в названных письмах выдает себя как заведомая подделка.

¹ В.В.Болотов отмечает значительное несообразие проповедуемой в посланиях Игнатия иерархичности церкви с тем уровнем, который был известен в то время (50–107 гг. – А.В.) и даже 50 лет спустя: «послание Игнатия представляет епископский сан в самых определенных чертах... в чем... видят доказательство более позднего происхождения игнатиевых писем... (Заметна) проходящая всюду (у Игнатия) строгая определенность выражений, твердое разграничение епископа, как одного, от пресвитеров, как подчиненных ему многих. Нигде названия “епископ” и “пресвитер” не употребляются как взаимно заменимые. В этом смысле терминология Игнатия довольно сильно разнится не только от Климента (Римского), но и от позднейших писателей. Например, в послании Поликарпа нигде граница между епископами и пресвитерами не проводится ясно. У Иустина мы знаем лишь о предстоятеле; у Гермы также не находят места, где бы епископ выделялся из круга подчиненных ему пресвитеров. Даже Иринея (Лионский), во время которого различие между епископами и пресвитерами, бесспорно, уже выяснилось, все еще, говоря о временах минувших, употребляет выражения «епископ» и «пресвитер» смешанно...» (Болотов В.В. *Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001, с.480-481*). Таким образом, со всей очевидностью получается, что если не все письма, то во всяком случае некоторые их фрагменты, особенно в части установления иерархичности церкви, являются поздними. Психологически потребность в такой подделке объясняется весьма просто. Болотов пишет: «Православному догматическому воззрению всех времен противна мысль, чтобы епископство было учреждением не апостольским, выродилось (породилось. – А.В.) вследствие разных исторических случайностей» (*там же, с.483*). И тем не менее это было именно так. Апостолы и древняя церковь (до сер. II в.) никакого епископства не знали. Понятно, что поздние апологеты постарались такое положение исправить.

3. Климент Римский

Творчество Климента составляло любимый предмет апокрифической литературы первых веков христианства, памятниками которой остались для нас так называемые «Встречи» (Recognitiones) и псевдо-Климентовы «Беседы» (Псевдоклиментины). История сохранила весьма скудные и неопределенные известия о Клименте. А в вышеназванных текстах до такой степени господствует вымысел, что трудно и почти невозможно проникнуть в исторические обстоятельства жизни настоящего Климента. В них он предстает римлянином высокого рода, получившим отличное светское образование, обращенным в христианство проповедью ап. Петра, чьим постоянным спутником он делается, которого, наконец, апостол Петр перед смертью в Риме делает своим преемником в звании римского епископа. По мнению некоторых ученых, в этом образе смешаны черты консула Флавия Климента, которого родственник его император Домициан казнил в 96 г. за его обращение в христианство (некоторые утверждают, что — в иудейство¹), с чертами Климента, римского епископа, ученика ап. Петра. Между тем Ориген (Comment. in Ioan. IX) и Евсевий (ЦИ. III.4; 15) признают Климента сотрудником не ап. Петра, а ап. Павла, о котором упоминает Павел в Послании к Филиппийцам (Флп 4.3). Очевидно, что в Послании ап. Павла имеется в виду совершенно другой *Климент*, причем, возможно, вообще не имевший никакого отношения к Риму.

Тем не менее Иринеи Лионский говорит о Клименте, что тот «видел блаженных апостолов (Петра и Павла) и обращавшийся с ними, еще имел проповедь апостолов в ушах своих и предание их пред глазами своими» (Против ересей, III.3.3). Мифологема Иринея понятна — снабдить первых иерархов Римской церкви как можно более крепкими связями с главными апостолами христианства. Но получается, что Иринеи не смог предъявить ни одного доказательства встречи римского Климента с Павлом и Петром. Климент, вероятно, родственник Домициана, действительно жил в Риме. Существовали и написанные кем-то много позже «Послания Климента». О противостоянии Павла и Петра говорят так называемые «Псевдоклиментины». Существовал, быть может, и некий Климент при апостоле Павле. Но есть ли основания утверждать о связи этих лиц?

¹ См.: Кассий Д. История Рима, LXVII.14.1-2. Обзор и анализ литературы по этому вопросу см.: Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Комментарии М. Штерна. Т. 2, часть вторая. М.-Иерусалим, 2002/5762. С. 52-54.

В результате выполненного выше исследования свидетельств об апостольских мужах: Поликарпе, Клименте Римском, Игнатии и призрачном Папии — совершенно однозначно можно констатировать, что не известен ни один свидетель, кроме Иринейя Лионского, который бы мог удостоверить факт если не всего того, что закреплено за этими персонажами в церковной истории, то хотя бы того, что хоть кто-то из них действительно «видел» апостолов. Но сообщения единственного информатора, Иринейя, — весьма схематичны и в лучшем случае являются смелыми предположениями и переработкой слухов, если не сознательным вымыслом. Но в таком случае мы должны признать, что **о существовании апостолов в I в. н.э. не смог во II в. подтвердить ни один живой свидетель или знакомый такого свидетеля!**

Все, что мы имеем, это поздние редакции евангелий и «Деяний апостолов», сообщающие о жизни апостолов во времена Ирода и Пилата. Все прочие труды церковных авторов опираются исключительно на эти редакции евангелий и «Деяний» и никогда — на исторические свидетельства. (Между прочим, евангелия и «Деяния» опять же написаны со слов тех, кто будто бы видел самих апостолов, но не был непосредственным очевидцем событий¹.)

Другая литература, тексты из Наг-Хаммади, рожденные за пределами католической (епископальной) церкви, в подавляющем большинстве случаев также не позволяют отождествить используемый в них образ Христа (апостолы практически не упоминаются) с каким-либо конкретным историческим периодом. Послания Павла, Петра и других апостолов не содержат никаких исторических ссылок, связанных с I в. н.э., и поэтому могут быть соотнесены с достаточно широким диапазоном времени. Ни в одном из посланий Павла не упоминается имя *Ирод* и только в единственном — 1 Тим 6.13 — упоминается имя *Пилат*. Но ученые данное Послание относят к так называемым «Пастырским посланиям», составленным во II в. и апологетически приписанным Павлу². То есть, о существовании Иисуса во времена Ирода и Пилата апостол Павел ничего

¹ Многие исследователи указывают на то, что четыре канонических евангелия имеют названия «от» («Евангелие от Матфея» и т.п., а не «Евангелие Матфея»), а «Деяния» предположительно написаны автором Евангелия от Луки, т.е. опять же не самим Лукой, сподвижником ап. Павла. «Ириней (Лионский) был первым, кто назвал Луку автором третьего Евангелия и Деяний» (Новый Библейский словарь. Ч.1. СПб., 1999, с.197).

² Д.Д.Данн и ряд других ученых (см.: Новый Библейский словарь, ч.1, с.250). Об этом подробнее см. далее.

не сообщает. В посланиях остальных апостолов также нет упоминаний ни об Ироде, ни о Пилате.

Таким образом, общепризнанная версия жизни Иисуса Христа и апостолов при Пилате и Ироде при наличии значительного объема новозаветной и раннеапокрифической литературы не имеет фактически иных источников, кроме евангелий и «Деяний апостолов». Ни одного исторического свидетеля, видевшего Иисуса и апостолов во времена Ирода и Пилата, не существует. Все церковные и раннехристианские авторы свои сообщения о существовании Иисуса и апостолов в это время черпают исключительно из евангелий и «Деяний». Многие исследователи справедливо замечают, что евангелия, будучи религиозными, мистическими и назидательными произведениями, не являются историческими источниками, а «Деяния», по сути, являются то ли продолжением Евангелия от Луки, то ли просто свободным развитием евангельской темы, безотносительно к имевшим место подлинным событиям. В результате мы оказываемся перед удивительным парадоксом церковной истории: христианство как факт истории — есть, но ни одного реального свидетеля жизни его основателей — нет!